

ПРИМЕЧАНИЯ

* Эта идея нашла отражение в книге М. Г. Качурина «Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы» (1988 г.).

** На уроках литературы школьники часто рассуждают в русле теорий великих ученых. Эта мысль уже была доказана в ходе эксперимента И. Д. Постричевой. [Постричева И. Д. Развитие толерантности как качества школьника-читателя при обращении к фольклорной волшебной сказке: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009, с. 95].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В. В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 4. 683 с.
2. *Колесницкая И. М.* Сказки // Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. 663 с.
3. *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2003. 477 с.
4. *Маранцман В. Г.* Изучение литературы в 5 классе: Методическое пособие для учителя / Под ред. В. Г. Маранцмана. М.: Классикс Стиль, 2003. 320 с.
5. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 606 с.
6. *Семенова М.* Мы — славяне! Популярная энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2006. 560 с.
7. *Соколова Е. К.* Экранизация романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская словесность. 2008. № 2. С. 11–16.
8. *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М.: АСТ, 1998. 784 с.
9. *Шапарова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Русские словари», 2004. 624 с.

REFERENCES

1. *Dal' V. V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1978. T. 4. 683 s.
2. *Kolesnitskaja I. M.* Skazki // Pushkin: Itogi i problemy izuchenija: Kollektivnaja monografija / Pod red. B. P. Gorodetskogo, N. V. Izmajlova, B. S. Mejlaha. M.; L.: Nauka, 1966. 663 s.
3. *Levkievskaja E. E.* Mify russkogo naroda. M.: Astrel', 2003. 477 s.
4. *Marantsman V. G.* Izuchenie literatury v 5 klasse: Metodicheskoe posobie dlja uchitelja / Pod red. V. G. Marantsmana. M.: Klassiks Stil', 2003. 320 s.
5. *Rybakov B. A.* Jazychestvo drevnih slavjan. M.: Nauka, 1994. 606 s.
6. *Semenova M.* My — slavjane! Populjarnaja entsiklopedija. SPb.: Azbuka-klassika, 2006. 560 s.
7. *Sokolova E. K.* Ekranizatsija romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Russkaja slovesnost'. 2008. № 2. S. 11–16.
8. *Frjezer D. D.* Zolotaja vetv'. M.: AST, 1998. 784 s.
9. *Shaparova N. S.* Kratkaja entsiklopedija slavjanskoj mifologii. M.: ООО «Izdatel'stvo AST»; ООО «Izdatel'stvo Astrel'»; ООО «Russkie slovari», 2004. 624 s.

В. Ю. Чхутиашвили

СОБЫТИЕ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ЖУРНАЛИСТСКОГО КОММЕНТАРИЯ

В статье рассматривается «событие» как минимальная содержательно-смысловая основа для образования текста журналистского комментария. В связи с этим затрагиваются характерные особенности жанра «комментарий» и определяется место события в его структуре. В качестве исследовательской задачи автором предпринимается попытка проанализировать различные формы проявления события по отношению к тексту журналистского комментария.

Ключевые слова: журналистский комментарий, факт, референциальное событие, событие как идея, текстовое событие.

V. Chkhutiashvili

The Event as a Text Construction Factor of Journalistic Commentary

The paper describes the “event” as a minimal substantial basis for constructing a journalistic commentary. In this connection, the main characteristics of the genre are considered. The place of the event is identified in the structure of commentary. Various forms of the event in relation to the text of a journalistic commentary have been analyzed.

Keywords: journalist comment, fact, referential event, event as idea, text event.

Предметом журналистской деятельности является, как известно, информирование об актуальных событиях реальной действительности и анализ их значения для развития общества. Благодаря множеству журналистских интерпретаций определённое событие реальной действительности при сохранении фактических параметров приобретает различное смысловое звучание для читательской аудитории и становится неоднозначным. Наиболее ярко авторское отношение к событию отражается в текстах журналистского комментария, где оно принадлежит к жанровым приметам текста.

В отечественной типологии текстов публицистического стиля не выработано строгого мнения относительно границ жанра «комментарий». В первую очередь, это связано с тем, что «общая установка на выражение авторского мнения, авторского личностного начала приводит к тому, что этот жанр очень легко вбирает в себя самые разные выразительные средства» [5, с. 94]. Подвижность границ жанра связана и с динамичностью развития самой сферы функционирования текстов СМИ. Комментарий можно увидеть не только на страницах печатных изданий, данный жанр присутствует и в интернет-пространстве, прочно заняв постоянное место на официальных сайтах уважаемых информационных изданий.

Несмотря на некоторую подвижность границ жанра, вытекающую не в последнюю очередь, как отмечалось выше, из особенностей выражения отношения автора к отображаемому событию, отечественные исследователи не сомневаются в его при-

надлежности к группе аналитических текстов. Так, М. П. Брандес, рассуждая о политическом комментарии как речевом жанре в публицистике, относит его к аналитическим речевым жанрам газеты и выделяет в его смысловой структуре следующие композиционно-речевые формы: «сообщение» («констатирующее сообщение») — вводная информация об определенных событиях и фактах, о политической жизни, далее — «рассуждение», содержащее истолкование этих событий с идеологических позиций, затем — резюме в форме «констатирующего сообщения», содержащее оценку этих явлений [2, с. 197]. А. А. Тертычный, в свою очередь, выделяет четыре основных элемента в структуре комментария: сообщение о комментируемом событии; формулирование возникших в связи с этим событием вопросов; изложение комментирующих фактов и мыслей; формулировка тезисов, отражающих отношение автора к отображаемому событию [7, с. 122]. Исходя из вышесказанного, можно говорить о композиционно-смысловой схеме комментария, включающей в себя:

- 1) сообщение о событии;
- 2) постановку вопросов;
- 3) рассуждение;
- 4) вывод.

При этом рассуждение является главной композиционно-речевой формой комментария. «Рассуждение, содержащее в себе в большом количестве выразительные и оценочные средства, мы называем комментарием» — так, например, определяет комментарий В. И. Коньков [5, с. 91]. В то же время

базовым элементом для рассуждения в комментарии, иными словами, минимальной содержательно-смысловой базой для комментирования является событие.

Событие, в свою очередь, обладает комплексной природой. В.З. Демьянков пишет о трёх его ипостасях: 1) референциальном (или референтном) событии; 2) событии как идее; 3) текстовом событии [3, с. 77; 4, с. 321]. Опираясь на точку зрения учёного, референциальное событие можно рассматривать как событие, принадлежащее реальному миру в его (события) пространственно-временной организации. Событие как идея предполагает интерпретативное отражение референциального события в человеческом сознании, причем события как сосуществующие идеи могут быть связаны с одним и тем же референциальным событием и при этом противоречить друг другу. Текстовое же событие понимается автором как «событие в его атрибутах, «осциллирующих» в интерпретации» [4, с. 321]. Как видим, в последнем случае имеется в виду речевое развёртывание образа события в тексте в соответствии с авторской идеей события.

По отношению к тексту комментария это означает, что его автор становится «носителем» события как идеи тем или иным путём. Он может быть непосредственным свидетелем референциального события (репортёром или корреспондентом с места происшествия), и может иметь дело с *информацией* о референциальном событии при отсутствии прямого доступа к месту происшествия. В подобных случаях информация о событии подлежит проверке журналистом на предмет истинности. Только после установления соответствия между полученными сведениями и параметрами референциального события сообщение о событии получает статус «факта».

Понятие факта имеет большое значение для осознания сущности события и его места в тексте журналистского комментария. Событие и факт, как считает Н. Д. Арутю-

нова, суть явления разного порядка: событие относится к единицам действительного мира, а факт — к единицам знания о мире. «Имя *факт* ориентировано на мир знания, т. е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени» [1, с. 168]. А. А. Леонтьев, рассуждая о текстах СМИ, включает факт в структуру события (а точнее, события-идеи, следуя введённому выше разграничению — В. Ч.). «Факт, — пишет он, — это содержание истинного суждения о том или ином событии. Таких истинных суждений может быть несколько. Они образуют своего рода пучок признаков события» [6, с. 67]. По мнению исследователя, внутреннюю структуру события составляет набор его объективных характеристик или «сценарий» события. К таким характеристикам А. А. Леонтьев относит субъект, средства, объект, время, обстоятельства или условия, причину, цель и результат события [6, с. 67]. В соответствии с этой точкой зрения факты — истинные суждения о событии, а «сценарий» события — его «координаты» или объективные характеристики. К примеру, сценарий как полный набор координат, отражающих событие «разлив нефти в Мексиканском заливе», может быть выражен в текстовом высказывании: «*20 апреля 2010 года* (координата времени) *в Мексиканском заливе* (координата локального обстоятельства) *произошёл непредвиденный* (координата цели/её отсутствия) *разлив нефти* (координата-объект) *по причине множественных сбоев в работе предохранительных устройств и нарушения техники безопасности* (координата причины)».

Комментарий может содержать не все координаты события. Предметом комментирования могут быть события, которые уже известны читателю, так что автору достаточно упомянуть только некоторые, значимые именно для его события-идеи параметры, чтобы вызвать в сознании читателя не-

обходимые ассоциации. Осведомлённому читателю для активизации полного сценария события будет достаточно его лексического обозначения — что, как мы видим в данном примере, выражается словосочетанием «разлив нефти в Мексиканском заливе».

Координаты события в тексте комментария задаются реальными параметрами референциального события. Структуру события как идеи определяют факты — истинные суждения о событии. Система фактов в тексте выстраивается, с одной стороны, на основе «координат» референциального события, с другой стороны, — в соответствии с авторской идеей события. Таким образом, атрибутируясь в тексте через систему фактов, некое референциальное событие приобретает характер события-идеи. Одновременно с этим оно перерастает в текстовое событие, которое актуализируется речевым образом в совокупности: 1) координат референциального события; 2) фактов, выстраиваемых автором, в соответствии с координатами референциального события и собственной идеей события; 3) системы авторских рассуждений и оценок. Представляя собой *речевую актуализацию* события/идеи как идеи/-й, текстовое событие существует в коммуникативно-прагматической перспективе «автор — текст — читатель». Текстовые события как бы выводят на уровень *языкового формулирования* события как идеи. Не превратившись в текстовые события, иными словами, не выйдя на уровень многократной языковой фиксации (в том числе в форме разных текстов журналистского комментария), многие референциальные события не приобрели бы для читателя характер события-идеи. При этом если сравнивать характер текстового события в информационных и в аналитических типах текста, то в первой группе текстов оно (текстовое событие) предстаёт перед читателем как определённая система координат референциального события. Во второй группе текстов, к которой принадлежит журналистский комментарий, система ко-

ординат референциального события обогащается, как отмечалось выше, оригинальным авторским принципом выстраивания фактов в тексте, соответствующим авторской идее события, а также системой авторских рассуждений и оценок. Таким образом, журналист-автор комментария преподносит читателю текстовое событие, не искажающее реальное положение дел, но рассмотренное под определённым углом зрения в связи с авторской точкой зрения.

В таком случае о комментарии можно рассуждать как о типе текста, заключающего в себе текстовое событие, связанное с референциальным событием набором фактов, выбор и подача которых обусловлены характером авторской идеи события. В журналистском комментарии автор описывает не столько референциальное событие, реально существующее в определённых координатах, сколько его образ — событие/-я идею/-и, сложившуюся/-иеся в авторском сознании под действием его собственного отношения к миру и к определённой коммуникативной ситуации (социального контекста). При этом целью создания комментария является формирование такого же, как у автора, образа события в сознании читателя.

С другой стороны, сам текст комментария в случае удачной языковой подачи является для читателя «текстовым событием», который находит в нём либо интересные формы выражения точки зрения автора, солидарной с его мнением, либо оригинальный — неожиданный для адресата — взгляд на определённое референциальное событие. Читатель либо воспринимает журналистский комментарий как удовлетворяющий его системе рассуждений и оценок, либо отвергает систему фактов, рассуждений и оценок автора. «Обратная связь» между автором и читателем обеспечивается читательскими письмами в редакцию, а также, если речь идёт о комментарии, опубликованном в Интернете, прямой возможностью для читателей комментирования текстового события прямо после основного текста

комментария. Если же комментарий оказывается предметом отклика не просто читателя, но другого журналиста, изначальное текстовое событие получает своё дискурсивное развитие и становится базой для появления последующих текстовых событий. Так текстовое событие комментария и его автор становятся составляющими дискурсивное пространство публицистики.

Попытаемся показать на примере фрагментов из двух комментариев, каким образом реализуются в системе текста смысловые и прагматические связи между референциальным событием, событием как идеей и текстовым событием.

(1) *27 Jahre alt war der Wertpapierhändler Kweku Adoboli, als er im Londoner Büro der UBS-Bank schon mit 50 Milliarden Dollar hantierte — und durchdrehte. Sein Teamleiter war damals 25. "Zwei Kids", wie Adoboli den Geschworenen sagte, die jetzt über ihn urteilen. Tatsächlich waren sie zwei blutjunge Männer auf dem Zenit ihrer Testosteron-Produktion — und ihrer Selbstüberschätzung. Jungs, wie sie zu Hunderten in den Handelsabteilungen von Investmentbanken sitzen. Jeder Autoversicherer steckt Kerle in dem Alter in eine Hochrisikoklasse. Sie sind leicht reizbar und verursachen häufiger Unfälle. Bei Investmentbanken aber dürfen sie mit Summen in Höhe des bayerischen Landeshaushalts zocken. Noch immer dominieren dort Männer zwischen 20 und 35 den Handel, die sich wie die Herren des Universums aufführen und einander "Regenmacher" nennen, wenn die Gewinne sprudeln* [9].

(2) *Beim Adoboli-Prozess stand nicht bloss ein einzelner Banker vor Gericht, sondern eine Unternehmenskultur. Grossbanken sind die letzten Bastionen eines kruden Machismos. Höchste Zeit, dass sich dies ändert.*

Aus Filmen wie «Wall Street» und Büchern wie «Lügenpoker» wissen wir es schon lange: Banker sind Supermachos. <...>

Einer von ihnen schilderte seine Erlebnisse im «Magazin» wie folgt: «Ich bin die letzten Jahre auf einer Welle gesurft, wir waren alle supercool drauf. Die Welt lag uns zu Füßen,

alles lief gut, kein Mensch dachte daran, dass dies alles mal aufhören könnte. <...>»

Auch Kweku Adoboli war bei der UBS in London lange «supercool drauf». Er war ein typischer Vertreter des modernen Investmentbanking: hoch intelligent, bestens ausgebildet, fleissig und extrem ehrgeizig. Solche jungen Männer — Frauen gibt es in dieser Branche praktisch nicht — werden von den führenden Investmentbanken gezielt umworben und danach für ihren Job ausgebildet [8].

Перед нами — два разных текстовых события, созданных на основе двух разных авторских идей события. Поводом к написанию комментариев стало одно и то же референциальное событие — финансовые махинации лондонского трейдера Квеку Адоболи, служащего лондонского отделения крупного швейцарского банка, и начатый в связи с этим судебный процесс.

И в том, и в другом комментарии есть маркеры, репрезентирующие координаты референциального события. В примере (1) такими маркерами являются имя собственное субъекта события — *Kweku Adoboli*, указание на место совершения события, выраженное обстоятельством места — *im Londoner Büro der UBS-Bank*, и на обстоятельстве его совершения — *mit 50 Milliarden Dollar hantierte*. В примере (2) референциальное событие представлено в виде присвоенного ему в прессе имени — *Adoboli-Prozess*, имени собственного субъекта события — *Kweku Adoboli*, а также места совершения события — *bei der UBS in London*. Эти текстовые маркеры отсылают читателя к конкретному событию реальной действительности, активизируя в сознании адресата фоновые знания о нём. При этом они «встроены» в систему фактов, организованную автором под углом собственной идеи события.

В системе авторских рассуждений (1) факты представлены так, что в фокусе читательского внимания оказывается возраст Адоболи и его коллеги, на момент соверше-

ния преступления: *27 Jahre alt war <...> Kweku Adoboli; Sein Teamleiter war damals 25. "Zwei Kids", wie Adoboli den Geschworenen sagte, die jetzt über ihn urteilen.* Благодаря этому текстовое событие в первом комментарии строится на суждениях автора о том, что такие качества, как необдуманное поведение, склонность к риску, типичны для молодых людей, но, несмотря на это, именно такие «мальчики» составляют доминирующую часть сотрудников инвестиционных отделов в крупнейших швейцарских банках. Конкретное референциальное событие (процесс Адоболи) в его частном проявлении служит для автора базой для собственной идеи события — рассуждения о закономерностях кадровой политики в банках в целом. Лейтмотивом авторских рассуждений становится, как видим, молодой возраст, незрелость Адоболи. В соответствии с этой идеей автором выстраивается лексическая цепочка характеристик, присваиваемых субъектам события: *Adoboli, sein Teamleiter — blutjunge Männer, Jungs, Kerle; auf dem Zenit ihrer Testosteron-Produktion, leicht reizbar.*

В системе авторских рассуждений (2) автор видит в Адоболи типичный пример современного банковского служащего, но, в отличие от предыдущего комментария, он концентрирует внимание читателя не на возрасте главного субъекта события, а на устоявшихся негативных представлениях, связанных с успешными банкирами. Идея события автора заключается в крушении маскулинного образа «банкира-супермачо» как неотъемлемой составляющей современной банковской культуры. В Адоболи, представшем перед судом, автор видит не что иное, как типичный продукт этой культуры, а в его осуждении — приговор сложившейся системе. Логическую цепочку фактов, представленных в этом комментарии, в усечённом виде можно представить так: *Beim Adoboli-Prozess stand nicht bloss ein einzelner Banker vor Gericht, sondern eine Unternehmenskultur. Aus Filmen <...> wissen wir Ban-*

ker sind Supermachos. <...> Auch Kweku Adoboli war bei der UBS in London lange «supercool drauf».

В соответствии с вышеописанной идеей события характеристики, присваиваемые Адоболи автором во втором комментарии, отличаются от представленных автором первого комментария: *Adoboli — ein typischer Vertreter des modernen Investmentbanking, Supermacho, «supercool drauf», hoch intelligent, bestens ausgebildet, fleissig, extrem ehrgeizig.*

Итак, в двух журналистских комментариях перед нами:

- одно референциальное событие — крупная потеря денег банком UBS за счёт действий финансового трейдера Квеку Адоболи, обвинение и судебный процесс;
- событие как идея (1) — ошибочная современная политика подбора кадров в крупнейших банках на фоне дела Адоболи;
- событие как идея (2) — крах современной банковской культуры на примере Адоболи как её типичного представителя;
- соответственно текстовое событие (1) и текстовое событие (2) как языковая фиксация двух разных авторских идей события.

Для журналиста-автора комментария событие является, таким образом, предметом интерпретации, в связи с чем оно приобретает характер идеи, совмещенной с отражением физических примет (пространственных, временных, субъектных и т. д.) референциального события. Событие-идея выступает как результат ментального акта осмысления событийности некоего фрагмента реальной действительности, которому адресант «приписывает» статус события, не просто давая информацию о нем как о единичном явлении объективной реальности, а помещая его в некую «сеть» выстраиваемых им пространственно-временных, причинно-следственных, атрибутивных и др. отношений. Событие как идея, или «индивидуальный» авторский образ референциального события, становится тем самым, с одной стороны, «текстовым событием», а с другой

— способствует приобретению самим текстом статуса «события» в процессе коммуникации между автором и читателем. Таким образом, некое референциальное событие как бы мультиплицируется за счёт его отражения во множественных «текстовых событиях», возникающих как следствие различной авторской интерпретации в нескольких (двух или более) текстах комментария, принадлежащих либо одному и тому же, либо разным авторам-журналистам. При этом способы интерпретации события в этих

комментариях могут быть более или менее близки друг другу, отличаясь, однако, практически всегда — в связи с разной авторской установкой — как набором представленных в тексте параметров референциального события, так и характером устанавливаемых автором смысловых отношений между ними, а также видом проекции события на иные (социально-политические, культурные и др.) явления разной степени публичностической значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Ч. 2 / Отв. ред. М. Н. Володина. М., 2004. С. 68–83.
4. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
5. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров. СПб.: Роза мира, 2004. 219 с.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М.Н. Володиной М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 66–88.
7. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект-Пресс, 2000. 312 с.
8. Löpfе Phillip. Supermachos rechnen sich nicht mehr. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tagesanzeiger.ch/wirtschaft/unternehmen-und-konjunktur/Supermachos-rechnen-sich-nicht-mehr/story/11364741?track> (дата обращения: 01.02.2013).
9. Seith Anne. «Wehe, wenn sie losgelassen» // Der Spiegel. 2012. № 46.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij. Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
2. Brandes M. P. Stilistika teksta. M.: Progress-Traditsija; INFRA-M, 2004. 416 s.
3. Dem'jankov V. Z. Semiotika sobytijnosti v SMI // Jazyk SMI kak objekt mezhdisciplinarnogo issledovani-ja: Uchebnoe posobie. Ch. 2 / Otv. red. M. N. Volodina. M., 2004. S. 68–83.
4. Dem'jankov V. Z. «Sobytie» v semantike, pragmatike i v koordinatah interpretatsii teksta // Izv. AN SSSR. Serija literatury i jazyka. 1983. T. 42. № 4. S. 320–329.
5. Kon'kov V. I. Rechevaja struktura gazetnyh zhanrov. SPb.: Roza mira, 2004. 219 s.
6. Leont'ev A. A. Psiholingvisticheskie osobennosti jazyka SMI // Jazyk SMI kak objekt mezhdistsiplinarnogo issledovanija / Pod red. M. N. Volodinoj. M.: Izd-vo MGU, 2003. S. 66–88.
7. Tertychnyj A. A. Zhanry periodicheskoj pechati. M.: Aspekt-Press, 2000. 312 s.
8. Löpfе Phillip. Supermachos rechnen sich nicht mehr. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.tagesanzeiger.ch/wirtschaft/unternehmen-und-konjunktur/Supermachos-rechnen-sich-nicht-mehr/story/11364741?track> (data obrashchenija: 01.02.2013).
9. Seith Anne. «Wehe, wenn sie losgelassen» // Der Spiegel. 2012. № 46.